

ГОГОЛЬ

Авторы: Ю. В. Манн

Н. В. Гоголь. Портрет работы Ф. А. Моллера. 1840-е гг. Третьяковская галерея (Москва).

ГОГОЛЬ Николай Васильевич [20.3(1.4).1809, м. Великие Сорочинцы Миргородского у. Полтавской губ. – 21.2(4.3).1852, Москва], рус. писатель, публицист. Родился в семье помещика среднего достатка. Детские годы провёл в родительском имении Васильевка (др. назв. – Яновщина, происходящее от фамилии владельца – Гоголь-Яновский). Худож. одарённость была наследственной в семействе Г.: среди его предков по материнской линии – Василий Танский (1-я пол. 18 в.), автор популярных в своё время интерлюдий на укр. языке; отец Г., Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский (1777–1825), сочинял стихи и комедии на рус. и укр. языках. Недалеко от Васильевки, на р. Псёл, находилось родовое имение В. В.

Капниста, который, по свидетельству матери Г., одобрил его первые стихотв. опыты. В 1818–19 Г. обучался в Полтавском поветовом (уездном) уч-ще; в 1820 – нач. 1821 занимался с учителем лат. языка Г. М. Сорочинским, в 1821–28 учился в Гимназии высших наук в Нежине. В эти годы проявился разносторонний худож. талант Г.: он рисовал (пейзажи, рисунки; позднее выполнял зарисовки городов, эскизы обложек и др.), выступал в спектаклях, причём с особенным успехом в комич. ролях (напр., Простаковой в «Недоросле» Д. И. Фонвизина), писал разнообразные худож. произведения, по его словам, «преимущественно в лирическом и сурьёзном роде»: стихотворение «Непогода»; несохранившиеся поэма «Россия под игом татар», сатира

«Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан», а также повесть «Братья Твердиславичи» (или «Братья Твердославичи»), сожжённая Г. после беспощадной критики со стороны товарищей (первый известный случай сожжения Г. своих произведений). Своё будущее Г., однако, связывал прежде всего с гос. службой, мечтая о юридич. карьере: «Я видел, что здесь работы будет более всего... Неправосудие, величайшее в свете несчастье, более всего разрывало моё сердце» (из письма к двоюродному дяде П. П. Косяровскому от 3.10.1827). На принятие такого решения повлияли, в частности, лекции проф. Н. Г. Белоусова, читавшего в гимназии курс естественного права (в связи с возникшим в гимназии в 1827 деле о его вольнодумстве Г. глубоко сочувствовал опальному профессору и во время расследования дал показания в его пользу). В 1828 Г. переехал в С.-Петербург, где безуспешно пытался устроиться на службу. В нач. 1829 появилось стих. «Италия», по всей видимости принадлежавшее Г. («Сын отечества и Северный архив», № 12), а весной того же года под псевд. В. Алов отд. изданием вышла «идиллия в картинах» «Ганц Кюхельгартен». Несмотря на подражательный характер, здесь были намечены мн. мотивы зрелого творчества Г., в частности острая коллизия мечты и сущности, предвещавшая поэтику «петербургских повестей». Поэма вызвала резкий критич. отклик Н. А. [Полевого](#), Г. сжёг нераспроданные экземпляры книги, отправился за границу, в Сев. Германию (Любек, Травемюнде, Гамбург), к концу сент. 1829 возвратился в С.-Петербург. В кон. 1829 Г. поступил в Деп-т гос. хозяйства и публичных зданий Мин-ва внутр. дел; в апр. 1830 – в Деп-т уделов (вначале писцом, потом помощником столоначальника). Одновременно активизировалась его лит. деятельность: вслед за первой повестью «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» («Отечественные записки», 1830, февраль – март; без подписи; вошло в изменённом виде в «Вечера на хуторе близ Диканьки») было опубликовано эссе «Женщина» («Литературная газета», 1831, № 4) – первое произведение за подписью «Н. Гоголь». В 1830 Г. познакомился с В. А. [Жуковским](#), П. А. [Плетнёвым](#) и, возможно, А. А. [Дельвигом](#), а в мае 1831 (очевидно, 20-го) на вечере у Плетнёва он был представлен А. С. Пушкину.

Первый цикл повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» (ч. 1–2, 1831–32), принёсший Г. широкое признание, отвечал развившемуся в рус. обществе интересу к

Украине («здесь так занимает всех всё малороссийское...» – из письма Г. к матери от 30.4.1829). Укратинофильство Г. означало обращение к коренным, нац. первоосновам славянского мира (Н. И. [Надеждин](#) называл Малороссию «славянской Авзонией», т. е. славянским Древним Римом) и было аналогично увлечению Средневековьем и древностью у зап.-европ. романтиков. Но мир этот, как показал Г., вовсе не был един и идилличен: в ряде повестей цикла («Страшная месть» и др.) развивалась романтическая тема отчуждения центрального персонажа; в других (напр., в «Майской ночи...») любовная интрига осложнялась сопротивлением соперников или недоброжелателей, и почти во всех случаях в людские дела, в развитие коллизии вмешивались тёмные ирреальные силы. После появления «Вечеров...» Г. стал лит. знаменитостью: летом и осенью 1832 его с воодушевлением встретили в Москве С. Т. [Аксаков](#) и К. С. [Аксаков](#), М.С. [Щепкин](#), И. В. [Киреевский](#), С. П. [Шевырёв](#), М. П. [Погодин](#). В 1835 Г. снова посетил Москву, где в мае состоялась, по-видимому, его первая встреча с В. Г. [Белинским](#).

Последовавшие за первой прозаич. книгой Г. циклы «Миргород» и «Арабески» расширили диапазон его творчества в направлении, которое было предугадано входившей в «Вечера...» повестью «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка». В сб. «Миргород» (ч. 1–2, 1835) в поле зрения Г. – мелкие заботы и неприятности, «пошлость пошлого человека» (формула, по утверждению Г., принадлежащая Пушкину), каверзничество и сутяжничество («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»), разрушение идиллич. состояния мира («Старосветские помещики») и естественных человеческих связей, происходящее под влиянием дьявольских сил (особенно отчётливо – в «Вии»). Повести из сб. «Арабески» (ч. 1–2, 1835) «Невский проспект», «Портрет» и «Записки сумасшедшего» добавили к этой проблематике петербургские, столичные темы: пошлость и повседневность соединились с напряжённым пафосом, гротескным изломом сюжетных и повествовательных планов, с тревожным, катастрофич. настроением большого города. Это направление было впоследствии продолжено другими «петербургскими повестями» (так они были названы в критике уже после смерти писателя): «Нос» (опубл. в 1836 в пушкинском ж. «Современник»; здесь же в том же году появились повесть «Коляска», ст. «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» и др.) и «Шинель» (1842). В отличие от др. циклов, «Арабески», наряду с худож.

текстами, включали в себя критич. и историч. работы, в т. ч. ст. «Несколько слов о Пушкине», содержащую глубокую и всестороннюю оценку творчества поэта. Худож. критика и эссеистика Г. стоят у истоков отеч. искусствознания (опубл. в «Арабесках» статьи «Об архитектуре нынешнего времени», «Скульптура, живопись и музыка», «Последний день Помпеи»).

Историч. работы Г. в значит. степени были связаны с его проф. интересами: в 1834–35 он был адъюнкт-профессором в С.-Петербур. ун-те; хлопотал также (безуспешно) о получении кафедры истории в Киевском ун-те. Занятия историей шли параллельно с развитием худож.-историч. замыслов, из которых наиболее значительны незаконч. драма «Альфред» (1835) на сюжет зап.-европ. Средневековья, а также повесть «Тарас Бульба» (1-я ред. опубл. в сб. «Миргород», 2-я – в «Сочинениях», 1842) из укр. истории (с историей Украины связана и сохранившаяся во фрагментах трагедия «За выбритый ус», над которой Г. работал в 1839–41). Все эти замыслы связаны с периодами, вызывавшими к себе наибольший интерес Г.-историка; при этом его, очевидно, привлекало такое состояние нации, когда она, несмотря на внутр. конфликты, способна вдохновиться одной идеей, предстать как единство. Этого качества лишена, по Г., раздробленная совр. жизнь, раздираемая на части эгоистич., своекорыстными интересами. Историзм Г. подвёл его к «Ревизору» – комедии с исключительно глубоким, поистине филос. содержанием (пост. впервые 19.4.1836 в с.-петерб. Александринском театре; в том же году вышла отд. изданием). На подсказанный А. С. Пушкиным сюжет, объединивший вечную ситуацию *qui pro quo* с локальным мотивом чиновничьей инспекции (ревизии), Г. написал пьесу, тяготеющую к предельному обобщению: перед нами «сборный город» (выражение из пьесы «Театральный разъезд после представления новой комедии», 1842, где изложены теоретич. взгляды Г. как комического писателя), в котором представлены разл. стороны социальной жизни и разнообразные свойства человеческой природы. При этом иррациональное начало истории (по формуле Г., «сильные кризисы, чувствуемые целю массою») выражено в пьесе с помощью новаторских худож. приёмов, начиная с «миражной интриги» и кончая заключительной «немой сценой». Подспудно-гротескные мотивы развивали и др. пьесы Г. Так, в «Женитьбе» (опубл. и пост. в 1842) происходила тонкая переакцентировка традиционной комедийной пары –

слабовольного жениха и предприимчивого помощника (друга, слуги и др.): если первый (Подколесин) нерешителен при кровной заинтересованности в женитьбе, то второй (Кочкарёв) напорист при отсутствии реального интереса к предстоящему событию. В «Игроках» (опубл. в 1842, пост. в 1843) углублялась ситуация «обманутого мошенника»: никто не вправе считать себя окончательным «победителем» – всегда «под боком отыщется плут, который тебя переплутует» (слова карточного шулера Ихарева в заключении пьесы). Чрезвычайным лаконизмом и выразительностью отличаются и «маленькие комедии» Г. – «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок» (все опубл. в 1842), а также «Утро делового человека» (опубл. в 1836); все они представляют собой обработку и развитие отд. сцен незавершённой комедии «Владимир 3-й степени», над которой Г. работал в 1832–34.

Обложка первого издания поэмы «Мёртвые души». По рисунку Н. В. Гоголя.

В июне 1836 Г. уехал за границу, жил в Баден-Бадене, Женеве, Веве (Швейцария), в Париже, где познакомился с А. [Мицкевичем](#); здесь же он получил потрясшее его известие о смерти А. С. Пушкина. В марте 1837 Г. впервые посетил Рим, где познакомился с работавшими там рус. художниками (в т. ч. с А. А. [Ивановым](#), которому посвятил ст. «Исторический живописец Иванов», опубл. в 1847). В Риме была написана б. ч. «Мёртвых душ», работа над которыми была начата ещё в 1835. Одновременно Г. создаёт и ряд др. произведений, в т. ч. повесть «Рим» (не окончена, опубл. в 1842). Подобно «Ревизору», «Мёртвые души» (сюжет которых был также подсказан Пушкиным) должны были запечатлеть всю рус. жизнь, но уже не с «одного боку», а в её целостности, где «было бы не одно то, над чем следует смеяться». Отсюда отказ от намечавшегося вначале обозначения «роман» в пользу «поэмы», что

«Н. В. Гоголь в Риме». Рисунок
В. А. Жуковского. 1839.

должно было, с одной стороны, по примеру Пушкина зафиксировать жанровую уникальность произведения («Евгений Онегин» – роман, но не в прозе; «Мёртвые души» – поэма, но не в стихах), а с другой – отделить рождавшееся творение от большого массива совр. рус. и зап.-европ. прозы (романов исторических, нравоописательных, сатирических и др.) и приблизить к традициям более древним, вплоть до гомеровских поэм,

которые Г. пристально изучал. Поскольку замысел нового произведения строился трёхчленно – предполагался переход от низших сфер жизни к более высоким и значительным, а само перевоспитание центрального персонажа (Чичикова) перерастало в «историю души» с её главными (тремя) стадиями, то для Г. обретала особый смысл и традиция Данте (к «Божественной комедии» Г. проявлял большой интерес в пору работы над поэмой). Драматизм и мучительность работы над 2-м и 3-м томами «Мёртвых душ» обуславливались напряжёнными усилиями представить процесс возрождения «мёртвой души» не декларативно, но конкретно и убедительно, в материале и формах реальной рус. жизни.

В 1839–40 Г. приезжал в Россию (Москва, С.-Петербург), читал друзьям главы «Мёртвых душ»; в кон. 1841 – 1-й пол. 1842 Г. вновь на родине, занятый печатанием 1-го тома (вышел в мае 1842); в 1842 – нач. 1843 опубл. «Сочинения» Г. в 4 т. С июня 1842 Г. жил за границей (во Франции, Германии, но преим. в Италии: Риме, Неаполе и др.), продолжая работу над 2-м томом поэмы (начатым, по-видимому, ещё в 1840). В 1-й пол. 1845 самочувствие Г. резко ухудшилось; его силы были подорваны напряжённым и, как ему казалось, неэффективным трудом. Летом 1845 Г. сжёг рукопись 2-го тома, чтобы начать работу сначала. В янв. 1847, находясь в Неаполе, тяжело пережил известие о смерти Н. М. [Языкова](#), одного из самых близких его друзей. В том же году вышли «Выбранные места из переписки с друзьями» – произведение, которое Г. считал чуть ли не первой своей «дельной книгой», поскольку она в прямой, публицистич. форме излагала его гл. идеи. Г. исходил из

положения, что никакой обществ. прогресс не будет прочным без воспитания и перевоспитания каждого в духе христианской этики (эта же мысль акцентирована в создававшейся параллельно пьесе «Развязка Ревизора», опубл. посм. в 1856). Однако в условиях назревавших в стране социальных преобразований (прежде всего крестьянской реформы) попытка Г. ограничиться лишь проблемой честного исполнения каждым человеком своей «должности» выглядела недостаточной: выход «Выбранных мест...» навлек на Г. настоящую бурю критики, в т. ч. и со стороны его друзей (С. Т. и К. С. Аксаковых, С. П. Шевырёва и др.); лишь немногие отметили позитивные стороны книги (прежде всего А. А. [Григорьев](#) в ст. «Гоголь и его последняя книга» – «Московский городской листок», 1847, № 5, 6). С позиций западничества книгу резко критиковал В. Г. Белинский – в рецензии («Современник», 1847, № 2) и особенно в письме к Г. от 15.7.1847. В ответном письме от 10.8.1847 Г. частично признал неудачу книги, однако упрекал критика в односторонности и игнорировании религиозно-моральной проблематики. Переживания и объяснения в связи с «Выбранными местами..» вызвали к жизни новое произведение Г. – «Авторскую исповедь» (опубл. посм. в 1855; назв. принадлежит редактору).

В апреле 1848 после путешествия в Иерусалим к Гробу Господню Г. окончательно возвратился на родину; жил в Васильевке, Одессе, С.-Петербурге, где осенью 1848 на вечере у А. А. Комарова познакомился с Н. А. [Некрасовым](#), И. А. [Гончаровым](#), Д. В. [Григоровичем](#), А. В. [Дружининым](#). С дек. 1848 жил у А. П. Толстого в Москве, продолжая работу над 2-м томом поэмы и др. сочинениями (в т. ч. начатыми ещё в 1845 в Париже «Размышлениями о Божественной литургии», опубл. посм. в 1857). В июне 1850, в июне и сент. 1851 Г. посещал Оптину пустынь. В конце янв. 1852 обнаружился признаки нового душевного кризиса: Г. тяжело пережил смерть Е. М. Хомяковой, сестры Н. М. Языкова. В конце января – начале февраля встретился с приехавшим в Москву ржевским протоиереем Матвеем (Константиновским), который, по-видимому, советовал Г. уничтожить некоторые главы поэмы, мотивируя это их неточностью и вредным влиянием, которые они окажут на читателей; Г. мог перетолковать его реакцию в том смысле, что 2-й том остался художественно несовершенным. 7 февр. Г. исповедался и причастился, а в ночь с 11 на 12 февр. сжёг беловую рукопись 2-го тома (сохранились в неполном виде 5 глав, относящиеся к

разным черновым редакциям; опубл. посм. в 1855). Смерть Г. вызвала в рус. обществе глубокое потрясение. От университетской церкви, где состоялось отпевание, до места погребения в Свято-Даниловом монастыре гроб несли на руках студенты и профессора университета (в 1931 останки Г. были перенесены на Новодевичье кладбище).

Огромно влияние Г. на последующую лит-ру: его творчество способствовало развитию реалистич. стилей, начиная с натуральной школы до рус. романа (И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. И. Герцен, Л. Н. Толстой и др.); стимулировало укрепление и обогащение гротескно-фантастич. направления (М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. Сологуб, А. Белый и др.). В то же время религ.-нравств. искания Г. в значит. мере определили онтологическую проблематику как в худож. лит-ре (Ф. М. Достоевский), так и в рус. религ. философии кон. 19 – 1-й пол. 20 вв. В 20 в. влияние Г., преодолев нац. границы, распространилось на всю мировую культуру.

Литература

Соч.: Соч.: В 7 т. 10-е изд. М.; СПб., 1889–1896; Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1937–1952; Собр. соч.: В 9 т. М., 1994; Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2001–.

Лит.: Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1892–1897. Т. 1–4; Котляревский Н. А. Н. В. Гоголь. 1829–1842. 4-е изд. П., 1915; Гиппиус В. Гоголь. Л., 1924. СПб., 1994; Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934; Машковцев Н. Г. Гоголь в кругу художников. М., 1955; Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М., 1959; Зеньковский В. Н. В. Гоголь. Париж, [1961]. СПб., 1994; Эйхенбаум Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. М. О прозе. Л., 1969; Troyat H. Gogol. P., [1971]; Терц А. (Синявский А.). В тени Гоголя. Лондон, 1975; Виноградов В. В. Эволюция русского натурализма: Гоголь и натуральная школа. Этюды о стиле Гоголя // Виноградов В. В. Избр. труды. Поэтика русской литературы. М., 1976; Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977; Золотусский И. Гоголь. 2-е изд. М., 1984; Манн Ю. В. В поисках живой души. «Мертвые души»: Писатель – критика – читатель. 2-е изд. М., 1987; он же. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996; он же. Гоголь: Труды и дни: 1809–1845. М., 2004; Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. М., 1988; Анненкова Е. И. Гоголь и декабристы. М., 1989;

Мережковский Д. С. Гоголь и черт // Мережковский Д. С. В тихом омуте. М., 1991; Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993; Набоков В. В. Н. Гоголь // Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М., 1996; Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте, СПб., 1997; Бочаров С. Г. Вокруг Носа // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999; Зарецкий В. А. Народные исторические предания в творчестве Н. В. Гоголя. Екатеринбург; Стерлитамак, 1999; Кривонос В. Ш. Мотивы художественной прозы Гоголя. СПб., 1999; Пумпянский Л. В. Гоголь // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000; Воропаев В. А. Гоголь над страницами духовных книг. М., 2002; Moeller-Sally St. Gogol's afterlife: the evolution of a classic in Imperial and Soviet Russia. Evanston, 2002; Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя. М., 2004.